

ПОСТТРАДИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОТ КОНФЛИКТОВ К ИНТЕГРАЦИИ

Посттрадиционные трансформации – это структурные изменения современности, вызванные необходимостью модернизации традиционных культур в процессе глобализации человеческой деятельности и перехода современного мира к целерациональности Второго Модерна. Рефлексивная (рационально-светская) модернизация как источник посттрадиционных трансформаций (У. Бек, Э. Гидденс) становится конфликтогенной в связи с реактивным сопротивлением неотрадиционализма: традиционалистские общества в новом глобализирующемся мире актуализируют культурный партикуляризм, воплощенный в ценностях этногрупповой безопасности и политического изоляционизма.

Э. Гидденс выделяет три магистральные оси посттрадиционных трансформаций в глобальном мире, определяющие структурные изменения культуры – глобализацию, детрадиционализацию и рефлексивизацию. По мнению Э. Гидденса, глобализацию не следует понимать только в экономических терминах: «Я определяю глобализацию как действие на расстоянии и соотношу её интенсификацию за последние несколько лет с появлением средств мгновенной глобальной коммуникации и массового перемещения»; связанная с ней «детрадиционализация» вследствие исчезновения аксиологической «буферной зоны», отделяющей различные социокультурные локальности друг от друга, приводит к исчезновению возможности прямолинейного, «наивного» традиционализма, не задающего вопроса о легитимации собственных положений¹.

Посттрадиционное гражданское общество не означает общество без каких-либо традиций; это общество вне тотальности «классической»

¹ См.: Новицкий В. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. – 2 (16). – 2007. – С. 129.

традиции, в котором коллективные традиции становятся глобальными, меняя онтологический и ценностный статус. «В контексте глобализирующегося, космополитического порядка, – отмечает Э. Гидденс, – традиции постоянно вступают в контакт друг с другом и принуждены “объявлять сами себя” (to declare themselves)»; в глобальном мире «нерефлексивные» традиции не могут адекватно отвечать вызовам современности, сохраняться и защищаться прежними «традиционными» путями; там же, где это происходит, можно говорить о феномене фундаментализма и его следствиях – культурных конфликтах².

Традиция в посттрадиционном мире может оставаться действенной, если она рефлексивно легитимирована: по Э. Гидденсу, «рефлексивизация» – это субстанциальный признак всего проекта Модерна, и до сих пор она была связана с рефлексивным принятием или отвержением устойчивых традиционалистских идентичностей (гендер, этничность, религиозность, идеология). «Рефлексивность» принуждает быстро меняющийся, «текущий» глобальный мир не только выбирать, но и рационально определять, что именно выбирается («целерациональный» выбор М. Вебера). С посттрадиционной рефлексивностью связано исчезновение традиций в их классическом понимании как эссенциалистских условий локального культурогенеза. В элиминации идеологий господства «классического традиционализма» (в форме этнонационализма, фундаментализма, авторитаризма) состоит различие между «простым» и «рефлексивным модерном», Вторым Модерном как мегатрендом посттрадиционного мира³.

Посттрадиционные трансформации как фактор социокультурных взаимодействий изменяют традиционалистское содержание культурных идентичностей (в традиционной иерархической оппозиции «мы – они») посредством ценностной гомогенизации (универсализации) на основе

² Там же.

³ См.: Новицкий В. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. – 2 (16). – 2007. – С. 130.

принципов транснациональной интеграции. В этой ситуации изменение иерархии традиционных ценностей и призыв к унификации коллективных идентичностей в процессе постмодернизации и глобализации становятся факторами конфликтной мобилизации и традиционалистского сопротивления. Сосуществование в посттрадиционной культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и интеграции; однако, когда гомогенизация (унификация) культурных различий воспринимается как «посягательство» на традиционную иерархичность и автономность идентичностей, а также декларируется в качестве вызова и угрозы групповой безопасности – возникают затяжные культурные конфликты.

Специфика посттрадиционных мировоззренческих противоречий заключается в том, что они протекают на фоне ценностных трансформаций «человеческих множественностей» посредством универсализации новых идей «глобального человечества» и «глобального гражданского общества». Идентификационные кризисы, завершение проекта Первого «национального» Модерна, становление Второго «космополитического», «постметафизического» Модерна делают ранее гомогенные традиционалистские идентичности требующими глубокой рефлексии и критического переосмысления. «Национальный модерн, ориентированный на фиксацию однородности, – пишет У. Бек, – предельно умаляет образующую идентичность силу межнационального, межэтнического, межрелигиозного диалога – силу, часто мучительную и парадоксальную, диалогической фантазии. Именно эту силу проверяет и учреждает космополитический взгляд. ...Тесное сближение чужих идентичностей является неисчерпаемым источником креативности и конфликтов. Без испытания способов урегулирования транснациональных конфликтов в центре национально-государственных, политических и корпоративных

организаций может возникнуть угроза предстоящей нам фазы появления рефлексов ренационализации или вступления в постполитическую эру высокой технократии»⁴.

Культурно-идентификационные трансформации традиционализма генетически связаны с поиском новых глобальных смыслов развития человеческой цивилизации в новом тысячелетии. Глобальные проблемы современности порождают соответствующие реакции на них как в виде формирования и легитимации глобальных институтов управления и наднациональных идентичностей, легитимирующих эти институты, так и новых социокультурных конфликтов.

В современном обществе конструирование метакультурной идентичности как способа преодоления идентификационных конфликтов кристаллизуется вокруг региональных и глобальных, транснациональных институтов легитимного господства, в образе которых «глобальное гражданское общество» идентифицирует себя как макроколлективного актора, тем самым растет интеграция и солидарность государств-членов нового глобального миропорядка. Этот подход в исследованиях посттрадиционности связан с политико-аксиологической методологией глобального «космополитического реализма» (У. Бек, Ю. Хабермас). По мнению Ю. Хабермаса, «главное значение имеет уже не самоутверждение коллектива вовне, а сохранение либерального порядка внутри. Так как идентификация с государством трансформируется в ориентацию на конституцию, универсалистские принципы конституции обретают известное преимущество перед партикулярным, ограниченным контекстом национальной истории конкретного государства. Этот отход от восприятия государства как центра и переориентация на конституцию и дают возможность проявиться (еще в национально-государственных рамках) структуре первоначально абстрактной и юридически опосредованной

⁴ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М., 2007. – С. 77-78.

“солидарности среди чужих”. А эта структура, несомненно, способствует транснациональному расширению государственной солидарности»⁵.

Посттрадиционная транснационализация может открывать пути для преодоления конфликтов, связанных с политическими, социальными, этническими, религиозными проблемами трансформирующихся обществ. По мнению У. Бека, «национальное оживление политики достижимо только через денационализацию. Существует внутренняя связь между утратой национального суверенитета и приростом транснационального суверенитета, то есть вновь обретенная возможность развития национального суверенитета на пути кооперации, если под этим понимать решение национальных вопросов проблемно ориентированной политики. ...Необходим некий New deal, который по-новому сбалансирует власть политики и экономики и вынудит международный капитал принять иные правила культурного и политического ангажементa, а также транснациональные государства, возрожденные в форме кооперативных государств. Если это не удастся, то нам угрожает осуществление в той или иной форме модернизированной, неофашистской агрессии и дегуманизации. Но именно от этого могут защитить возникшие в “среде благоденствия” свободные культуры солидарного индивидуализма. Образу упадка, который бродит по Европе вместе с призраком неолиберализма, до сих пор противопоставлена напрашивающаяся альтернатива транснационального обновления демократии, социальной справедливости и безопасности, а также экологического мышления и действий за пределами национально-государственной исключительности. Транснационализация предполагает космополитическую открытость общества»⁶.

В современном мире полиэтничность может становиться вызовом посттрадиционным обществам, сталкивающимся с мультикультурным

⁵ Хабермас Ю. Расколотивый Запад. – М., 2008. – С. 72-73.

⁶ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. – М., 2007. – С. 241, 264-265.

проникновением как результатом роста географической мобильности. «Мы являемся, – пишет Дж. Де-Вос, – свидетелями революции в социальной и культурной историографии. Современные этнические меньшинства очень хотят быть услышанными»⁷. Безопасность посттрадиционных обществ, включенных в систему глобального миропорядка и ориентированных на утверждение в качестве приоритетных ценностей прав и свобод человека, гражданского общества и либеральной демократии, становится фактором противодействия политическому радикализму.

В настоящее время проблема глобальной безопасности при продвижении трансформирующихся обществ к либеральной демократии представляет собой одну из наиболее острых социально-политических проблем: традиционализм не готов развивать единственно возможную в полиэтническом сообществе форму «национальной идеи», которая не является конфликтогенной и деструктивной для всех его членов – «гражданский постнационализм» на основе добровольно принятой надэтнической идентичности и метакультурной солидарности.

⁷ Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – М., 2001. – С. 230.